

Н.М. Страшок

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И НАСЛЕДИЯ Л. ТОЛСТОГО В «ПОРТРЕТАХ» М. АЛДАНОВА

Л. Толстой как писатель и как мыслитель - фигура исключительно важная для эмигрантов первой волны. Писатели старшего поколения эмиграции были младшими современниками Л. Толстого, многие из них были знакомы с ним лично или состояли с ним в переписке. Тесно связано с Л. Толстым творчество И. Бунина, Б. Зайцева, М. Алданова, Д. Мережковского, И. Наживина, испытавших его сильное влияние. Русская классика в ту пору была своего рода «посредником между эмигрантской и советской литературами»: «Многочисленные статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Льве Толстом <...> и других русских писателях» [10, с. 15] свидетельствовали об осознании писателями-эмигрантами тесной преемственной связи между собой и классической литературой XIX в. Л. Толстому были посвящены несколько монографий и ряд статей, публиковавшихся в эмигрантских периодических изданиях. На праздновании столетия со дня его рождения в Праге с докладом «Толстой как мировое явление» выступил В.А. Маклаков, в периодике печатались юбилейные статьи, в том числе, и статьи М. Алданова «О Толстом» [7, с. 10].

Еще современники обращали внимание на то, с каким пиететом М. Алданов говорил о Л. Толстом. Он был не только его сторонником, сознательно учился у него, но и был готов защищать его авторитет даже в частной полемике, например, с Вл. Набоковым: «... мы с Вами так и не могли никогда договориться об общих основанных ценностях: ведь Вы и отца Александры Львовны считаете непревосходным писателем, – “во всяком случае, много хуже Флобера”» [11, с. 132]. Г. Адамович даже шутил по этому поводу: «Он произносил эти два слова “Лев Николаевич” почти так же, как люди верующие говорят: “Господь Бог”» [1, с. 210]. Он писал, что общение с М. Алдановым всегда завершалось «Толстым и Достоевским - как, вероятно, будут на них или ими кончатся русские разговоры еще долго, лет сто, если не больше. <...> Алданову, впрочем, малейшее сомнение насчет того, кто “больше”, представлялось нелепостью и даже кощунством <...> Кстати, когда-то в присутствии Бунина он сказал, – по-моему, очень верно, – что великая русская литература началась лицейскими стихами Пушкина и кончилась на “Хаджи-Мурате”. Бунин полушутливо, полуворчливо возразил: – Ну, Марк Александрович, зачем же такие крайности? Были и после Толстого недурные писатели!» [1, с. 210 - 211]. Однако для М. Алданова было чрезвычайно важным подчеркнуть преемственную связь между «солнцем русской поэзии» Пушкиным и другой его вершиной, Л. Толстым. Как полагает С. Ларин, на М. Алданова оказала влияние не только сама личность писателя, но и его творчество: он «всю жизнь учился у Толстого.<...> В своей исторической тетралогии он словно бы тоже шел вслед за Толстым, упорно возвращаясь к

тому периоду, который занимал и автора “Войны и мира”, – эпохе наполеоновских войн, кануну декабрьского восстания» [8, с. 256].

Вопрос о том, какое место Л. Толстой занимал в творческом сознании М. Алданова, неоднократно затрагивался в работах современных литературоведов. Так, в диссертации Н. Кармацких «Поэтика тетралогии М. Алданова “Мыслитель” (мотивный аспект)» (2009) отмечается, что «... писатель во многом опирался на толстовское видение истории (Л.Н. Толстого М. Алданов неизменно считал своим учителем), но это не означает полного совпадения историософских концепций» [6, с. 3]. Автор диссертации полагает, что между писателя существовала близость в осмыслении роли масонства. По мнению Н. Кармацких, «в выборе М. Алдановым эпопейной, крупной жанровой формы – тетралогии – видится явная ориентированность на творчество мастера. Кроме того, тетралогия “расширяется” за счет прямых отсылок к произведениям Л. Толстого (возникает своеобразная подвижность текстового пространства), что нередко также осуществляется в авторских сносках – зарисовках будущей жизни героев» [6, с. 22]. В работе О. Лагашиной «Марк Алданов и Лев Толстой. К проблеме рецепции» предпринимается попытка осмыслить особенности восприятия образов и идей Л. Толстого в творчестве М. Алданова. Автор пишет, что «влияние Толстого на творчество Алданова является одной из основных проблем алдановедения. Русский классик был для эмигрантского писателя наивысшим авторитетом, общепризнано, что в своих романах Алданов использовал толстовские художественные приемы, полемизировал или соглашался с его идеями» [7, с. 9]. Н. Ли рассматривает эту проблему в аспекте внутренней полемики, которую вел М. Алданов со своим предшественником. «Став сам беллетристом, – пишет исследователь, – Алданов как будто поставил себе цель исправить несколько неточностей в противоречивых ответах Толстого на поднятые им вечные вопросы» [9, с. 97].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить особенности осмысления М. Алдановым личности и наследия Л. Толстого в «Портретах». Писатель, думается, не только был для М. Алданова постоянным ориентиром, но и своеобразной точкой отсчета, от которой он вел свое понимание того, как должна выглядеть настоящая русская литература. Особый интерес в интерпретации им творчества Л. Толстого и отдельных его произведений представляет неопубликованная статья, которая готовилась к печати на английском языке в антологии «Сто лет русской прозы». В ней разворачивается мысль, высказанная М. Алдановым в разговоре с Г. Адамовичем и И. Буниним о Пушкине и Л. Толстом: «...Пушкин был одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю. Можно ли назвать печальным творчество Толстого в его лучшее (в художественном отношении) время? “Казачьи”, “Война и мир”, даже еще “Анна Каренина” так и дышат радостью жизни» [5, с. 165]. Разбивая ее, он осмысляет всю историю русской классической литературы: «В “Войне и мире” вообще осуществлен тот идеал искусства, который мерещился древним грекам в мифе о художнике,

рисовавшим плоды так, что птицы садились клевать их на полотно. Этой предельной вершины искусства не достиг даже Гоголь с его изумительной, но все-таки гротескной<...> правдивостью; Достоевский достиг ее только в самых изумительных своих сценах, как в <...> сцене убийства ростовщицы» [5, с. 169]. Начатая Пушкиным, русская литература, полагал М. Алданов, в произведениях своих лучших писателей не сумела реализовать заложенные им идеи: эту задачу удалось выполнить только Л. Толстому.

В «Портретах» имя и творчество Л. Толстого становятся сквозными, дающими возможность М. Алданову установить некую систему координат, в которой он осмысляет мировую и русскую историю. Писателю посвящены несколько очерков, но и там, где М. Алданов пишет о событиях, далеких от Л. Толстого, он называет героев его произведений, приводит цитаты из них или ссылается на его мнение. Подробный анализ произведений и мировоззрения писателя представлен в монографии М. Алданова «Загадка Толстого», которая опубликована во втором томе «Портретов». Автор мыслил эту работу частью первого тома книги «Толстой и Роллан»: «Если б я теперь стал наново писать книгу об авторе “Войны и мира”, я написал бы ее иначе. Но общую концепцию “загадки Толстого”, данную в моем труде, я продолжаю считать правильной, несмотря на ряд сделанных в печати возражений» [2, с. 3]. Чтобы разгадать «загадку» Л. Толстого, М. Алданов обращается к широкому кругу материалов, побуждающих говорить о противоречивости его мировоззрения.

Так, например, М. Алданов задумывается над тем, чем было вызвано скептическое отношение позднего Л. Толстого к науке и медицине: «Толстой сражается с наукой, как опытный искусный полемист: он старательно выискивает слабые места своего противника и на них сосредоточивает нападение» [4, с. 389]. Сам М. Алданов был тесно связан с наукой, о чем свидетельствует его диссертация по химии, поэтому не мог обойти вниманием эти высказывания Л. Толстого. Отметим, что и многие современники писателя неоднократно высказывали свое удивление толстовским «нигилизмом», обращенным на науку, искусство, культуру. Ответ на вопрос о причинах такого резкого отношения к важнейшим достижениям человеческой цивилизации, конечно, следовало искать во всей системе воззрений Л. Толстого-мыслителя, ведь «Толстой был несомненно одним из наиболее разносторонне ученых людей нашего времени» [4, с. 393]. В его «предвидениях, как почти в каждой странице наследия Толстого, ясно виден его несравненный ум, с одинаковой легкостью вникающий в сложные вопросы науки, в дебри отвлеченной метафизики, в глубины сердца человека, в мельчайшие подробности социальных отношений» [4, с. 391]. При этом Л. Толстой никогда не настаивал, что обладает всеведением. М. Алданов иронизирует по поводу слов Толстого о его невежестве. «“Я почти невежда”, – пишет в дневнике Толстой в 1854 году. <...> люди, видевшие два десятка книжных шкафов в Яснополянском доме, с 14 тис. книг, знают, что такое – невежество Л.Н. Толстого» [4, с. 393-394].

Еще одной темой, которую М. Алданов затрагивает в «Загадке Толстого» является образ Наполеона в «Войне и мире». Как полагает А. Чернышев, несогласие М. Алданова с образом Наполеона у Л. Толстого, стало решающим фактором, побудившим его на художественное творчество. М. Алданов впервые обратился к осмыслению личности Наполеона в «Загадке Толстого» (1923). И в своем несогласии он был не одинок. Еще в начале XX в. в монографии «Л. Толстой и Достоевский» свой протест против превратного изображения Наполеона резко высказал Д. Мережковский. Однако его отношение к толстовскому образу было вызвано его историософской концепцией. Отголоски этого спора с Л. Толстым слышны даже в романтизированной биографии писателя «Наполеон», написанной уже в эмиграции. М. Алданов в «Загадке Толстого» пишет, что «великий писатель отводил себе душу на императоре французов. <...> Может быть, сам исторический фатализм возник в результате стремления во чтобы то ни стало уничтожить властелина мира. Наполеон, удесятеренный человек, был ненавистен Толстому, как воплощенное отрицание всех видов status quo» [4, с. 401]. Еще одной идеей, которую выделил автор «Загадки Толстого» в «Войне и мире», является пацифизм. М. Алданов отмечает, что «Толстой, несомненно, хотел нанести удар Войне и возвеличить Мир» [4, с. 403]. Общеизвестное отрицательное отношение Толстого к войне Алданов подчеркивал и в статье «Сто лет русской художественной прозы». Мысль о том, что «сколь ни отрицательно Толстой относился к войне, как ни ненавидел ее, даже и война описывается в “Казаках”, в “Войне и мире” в романтических тонах <...>» [5, с. 165] находит отражение и в «Загадке Толстого».

Вывод о том, что в личности Л. Толстого сочетались прекрасный художник с моралистом, философом и догматиком, М. Алданов делает на основе анализа «Анны Карениной», рассказа «Нечаянно», «Крейцеровой сонаты», «Смерти Ивана Ильича», «Хаджи-Мурата», «Воскресенья» и др. Через всю «Загадку Толстого» отдельной темой проходит его убеждение в том, что идеи писателя имеют противоречивый характер: «Художественное творчество Толстого, – пишет он, – дает сколько угодно примеров его органической двойственности» [4, с. 405]. Говоря об образе войны, М. Алданов отмечает, что «...поэтическая прелесть войны заслоняет от читателя ее кровавые ужасы; страшный соблазн художника – внелогичная красота – что ни шаг, то наносит поражение моралисту» [4, с. 405]. Несмотря на то, что М. Алданов хорошо понимает значение Л. Толстого и противоречия в его мировоззрении, он не берется сделать окончательных выводов о нем: «Кто может сказать, что понял Льва Толстого?, – пишет он. – Эллин, перешедший в иудейство или иудей, проживший долгий век эллином, влюбленный в жизнь мизантроп, рационалист, отдавший столько труда критике нечистого разума, гений, рожденный, чтобы быть злым, и ставший нечеловечески добрым, – Лев Толстой стоит перед нами вечной загадкой. Кто он был на самом деле, этот человек, проживший всю жизнь в стеклянном доме, столь близкий и дорогой каждому из современных

людей?» [4, с. 488-489]. Обратим внимание, что этот вывод чрезвычайно близок тем словам, которые писал о Л. Толстом Д. Мережковский, многие годы посвятивший размышлениям над его наследием.

В «Портретах» речь идет не только о творчестве Л. Толстого. Не меньшее внимание М. Алданов уделяет и его личности. В «Печоринском романе Толстого» писатель предпринимает попытку осветить особенности формирования Л. Толстого, опираясь на его дневник за 1854 – 1857 годы, который, как полагал М. Алданов, открывает «теневые стороны» его характера, обусловившего «путь этого столь необыкновенного, ни на кого не похожего человека» [3, с. 424]. «Мы теперь привыкли к тому Толстому, которого еще застали наши поколения, – пишет М. Алданов, – к Толстому доброму, кроткому, просветленному. Разумеется, мы знали, что он не всегда был таким, – и все же дневник Льва Николаевича за 1854 – 1857 годы вызывает у нас удивление. Правда, это было самое худшее время его жизни» [3, с. 424]. Обратим внимание, что М. Алданов проводит параллель между дневником Л. Толстого и дневником лермонтовского героя, – подход, свойственный модернистскому сознанию в целом. Молодой Л. Толстой соотносится с литературным персонажем, а его жизнь в те годы – с событиями романа М. Лермонтова. Это придает размышлениям М. Алданова субъективность, а образу Л. Толстого, созданного им, мифопоэтический характер.

М. Алданов обращает внимание на переменчивое настроение писателя и сравнивает его с Печориным, правда, с оговоркой, что «он не был “печоринским” во всем смысле слова; но в нем было немало от лермонтовского Печорина» [3, с. 424]. Чтобы подтвердить мысль о противоречивости и непоследовательности Л. Толстого, М. Алданов сталкивает его мнения по этому и тому же поводу: о людях церкви, о писателях, о литературе. Так, М. Алданов приводит мнение Л. Толстого о Пущине: «Пущин – прелестный и добродушный человек...» [3, с. 425]. Ему противоречит другая запись: «Счастливый человек Пущин, ему все кажется, что в нем сидит что-то много прекрасного <.. > ежели бы он был умнее, он увидел бы, что все, что сидит – гадость...» [3, с. 425]. Примечательно также его отношение к России, о котором можно судить по записям в дневнике писателя, приведенных М. Алдановым: «Противна Россия. Просто ее не люблю...» [3, с. 426]. Между тем, как художник Л. Толстой является одним из лучших певцов красоты России.

Одним из средств мифологизации образа Л. Толстого в «Печоринском романе...» является, прежде всего, попытка приравнять его к литературному персонажу – прием, широко распространенный в модернистской литературе. Соотнесение его с широко известным героем М. Лермонтова как бы дает М. Алданову ключ для понимания молодого Л. Толстого. В нем наряду с мрачностью, полагал писатель, была и молодая жизнерадостность, «наряду с мизантропией был в нем – и странно уживался с тоской – огромный запас чисто физической, физиологической жизнерадостности» [3, с. 428]. Ключевым событием в жизни Л. Толстого в «печоринский период», полагал М. Алданов,

является роман писателя с Валерией Владимировной Арсеньевой. «Посуществу же печоринство заключалось в том, что центральное место в жизни холодного, замкнутого, невлюбчивого человека, – пишет он, – занимали весьма странные и запутанные любовные романы, не очень страстные, разъеденные мыслью и самоанализом, ни к чему не ведущие, да, собственно, никакой цели себе и не ставившие» [3, с. 435]. Автор «Портретов» приходит к выводу, что «в этих кратких записях только что опубликованного дневника – новый Толстой! В них человек с неврастенической раздражительностью, “влюбленный”, чувства которого меняются каждый день, если не каждый час, в зависимости от платья, от прически, от случайного слова. И с этими-то, столь же несправедливыми, сколь резкими рассуждениями <...>» [3, с. 439]. Более того, М. Алданов этим любовным романом объясняет и особенности дальнейшего творчества писателя: «Теперь и некоторые главы “Войны и мира”, “Анны Карениной” придется читать по-иному: мы ведь больше не знаем, что сказали бы в дневниках о Кити – Левин, и о Наташе – князь Андрей» [3, с. 440].

Следует также обратить внимание и на семантику заглавия этого очерка: М. Алданов уже здесь декларирует соотнесение с литературным персонажем: «В искренности же Льва Николаевича сомневаться не приходится; он был искренен в каждую отдельную минуту. У Печорина тоже бывали минуты, когда он чувствовал себя почти влюбленным в княжну Мэри» [3, с. 440]. Развитие любовного чувства Л. Толстого с В. Арсеньевой прослеживается по их переписке и дает представление о характере молодого писателя. Так, М. Алданов отмечает, что после разрыва с В. Арсеньевой Толстой, будучи всегда скупым на восторженные оценки, начинает давать положительные отзывы: «Столыпин прелестен...», «Чернышевский мил...». В целом, такая манера и оценка людей ему была не свойственна [3, с. 448].

Еще одним средством мифологизации образа Л. Толстого стало осмысление через основные идеи и мотивы его творчества. Так, знатное происхождение великого писателя и его отношение к аристократии соотносятся с текстом «Анны Карениной»: «Рюрикович князь Облонский называет аристократом Вронского – “человека, отец которого вылез из ничего пронырством”» [3, с. 430]. М. Алданов также осмысляет личность Л. Толстого сквозь призму собственного понимания. Так, он использует фигуры и прямые обращения к читателю: «Во имя чего же судил он обо всем столь резко и несправедливо? Не понять» или «Какие могли быть причины его нигилизма, мизантропии, тоски?» [3, с. 426]. Ответы на эти вопросы даются М. Алдановым лишь предположительно: он оставляет читателю возможность судить об этом, показывая все противоречия в характере молодого Л. Толстого.

Как мы уже отмечали, имя и творчество Л. Толстого являются сквозными для «Портретов». Здесь М. Алданов создает его образ через его героев, через его ассоциации которые вызывают его личность или персонажи, через соотнесение с литературными героями или историческими личностями.

Так, в портрете «Азеф», говоря о его уме и умении разбираться в людях, он сравнивает его с Л. Толстым, называя писателя «величайшим знатоком людей» [4, с. 110] или «Ко дню рождения Муши он составил для нее в тюрьме таблицу морально-философских правил, – так 17-летний Николенька Иртенев писал “Правила жизни”» [4, с. 105]. Здесь писатель проводит параллель с героем «Юности». Влияние Толстого на Ганди также устанавливается путем соотнесения: «...в числе книг, сыгравших большую роль в умственном развитии Ганди, он называет сочинения Рескина. Очень большое впечатление, по его словам, на него произвели Священное Писание – и Толстой» [4, с. 366]. В портрете «Ганди» речь идет об общении Ганди с Толстым, которое они поддерживали посредством переписки. М. Алданов сравнивает их, причем при сопоставлении их мировоззрений и образа жизни его симпатии находятся на стороне Л. Толстого: «От “убоины” он отказаться не мог <...> по сей день Ганди питается только фруктами и козьим молоком (коза не священное животное), причем опять-таки он очень подробно рассказал, как отражаются фрукты и молоко на его борьбе с женским соблазном. Толстой? Во всяком случае, Толстой без его огромного ума, без его чутья и понимания жизни и вдобавок без всякого чувства юмора» [4, с. 371]. М. Алданов прибегает и к другим сопоставлениям, иногда называя Л. Толстого художником, которому было бы под силу художественное осмысление любых личностей, событий в прошлом и современности «Человеческий же образ Потемкина, – пишет он, – нам непонятен; художественный портрет его был бы под силу одному Льву Толстому» [3, с. 14]. Даже для характеристики исторического лица, Адама Чарторийского, ему были необходимы характеристики, которые давал ему Л. Толстой в «Войне и мире».

Анализ толстовской темы в «Портретах» М. Алданова дает возможность судить о том, что не только в исторической беллетристике или критике писатель занимал важное место. Личность и наследие Л. Толстого были одной из констант его художественного сознания, определяли для М. Алданова меру искусства и особенности историзма. Однако способы осмысления роли Л. Толстого в литературе и истории были у писателя модернистскими, сходными с теми, которые использованы и его современниками. Однако эта тема требует более подробного изучения.

Литература

1. Адамович Г. Мои встречи с Алдановым // Современ. драматургия. - а. 1991. - с. 208-211
2. Алданов М, Загадка Толстого // Библиотека современного знания. Берлин, 1923. -127 с.
3. Алданов М. Портреты: В 2 т. - М.: «Захаров», 2007. - Т. 1. - 688 с.
4. Алданов М. Портреты: В 2 т. - М.: «Захаров», 2007. - Т. 2. - 640 с.
5. Вековой заряд духовности: Две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. -1996. - №12. - С- 164-175

6. Кармацких Н. В. Поэтика тетралогии М. Алданова "Мыслитель" : мотивный аспект : автореф, дис. на соискание уч. степени канд. фил. наук : спец. 10.01.01 "Русская литература" / Н. В. Кармацких. - Тюмень, 2009. - 179 с.
7. Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции: дис.... кандидата фил. наук: 10.01.09 / Лагашина Олеся. -Таллин, 2009. - 151 с.
8. Ларин С. *«Книги Алданова будут читать...»* // Новый мир. - 1989. - №4. - С. 252-256
9. Ли Н. Марк Александрович Алданов: жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. - С. 95-105
10. Литература русского зарубежья (1920-1990): учеб.пособне / под общ. ред. А.И. Смирновой. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 640 с.
11. Чернышев А. А. *«Как редко теперь пишу по-русски...»*: Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова. // - Октябрь. - 1996. - № 1. - С.121-146

Аннотация

Страшок Н.М. «Осмысление личности и наследия Л. Толстого в «Портретах» М. Алданова».

В статье анализируется влияние личности и наследия Л. Толстого на М. Алданова. Имя и творчество Л. Толстого играли исключительную роль не только в становлении М. Алданова как писателя, как отмечали многие литературоведы и современники. Взгляды, идеи, литературные персонажи Л. Толстого преобладали также и в «Портретах» М. Алданова. Однако наряду с общностью во взглядах и преклонением М. Алданова перед великим писателем, автор «Портретов» выражает несогласие с рядом суждений Л. Толстого и художественным изображением таких выдающихся исторических личностей, как Наполеон. В «Портретах» под иным углом зрения рассматривается личность Л. Толстого в неизвестный ранее период его жизни. Анализ «Портретов» позволяет сделать вывод о субъективности суждений М. Алданова и выделить средства мифологизации образа Л. Толстого.

Ключевые слова: преемственная связь, образ, эмигрантский писатель, система воззрений, историософская концепция, дневник, модернистское сознание, мифологизация, модернистская литература, прием, «печоринский» период, художественное сознание.

Анотація

Страшок Н.М. «Осмислення особистості та спадщини Л. Толстого в «Портретах» М. Алданова».

У статті аналізується вплив особистості та спадщини Л. Толстого на М. Алданова. Ім'я і творчість Л. Толстого грали виняткову роль не тільки в становленні М. Алданова як письменника, як відзначали багато літературознавців і сучасників. Погляди, ідеї, літературні персонажі Л. Толстого домінували також і в «Портретах» М. Алданова. Однак поряд із

спільністю в поглядах і глибокою пошаною М. Алданова до великого письменника, автор «Портретів» висловлює незгоду з низкою суджень Л. Толстого і художнім зображенням таких видатних історичних особистостей, як Наполеон. У «Портретах» під іншим кутом зору розглядається особистість Л. Толстого в невідомий раніше період його життя. Аналіз «Портретів» дозволяє зробити висновок про суб'єктивність суджень М. Алданова і виділити засоби міфологізації образу Л. Толстого.

Ключові слова: спадкоємний зв'язок, образ, емігрантський письменник, система поглядів, історіософська концепція, щоденник, модерністська свідомість, міфологізація, модерністська література, прийом, «печорінський» період, художня свідомість.

Summary

N. Strashok " Comprehension of the personality and heritage of Leo Tolstoy in" Portraits " by M. Aldanov".

The article analyses the influence of the personality and heritage of L. Tolstoy on M. Aldanov. The name and works of Leo Tolstoy played a crucial role not only in the formation of M. Aldanova as a writer, as many literary critics and contemporaries noticed. Tolstoy's views, ideas, literary characters prevailed also in "Portraits" by M. Aldanov. However, along with their common views and Aldanov's admiration for the great writer, the author of "Portraits" expresses disagreement with a number of judgments of Tolstoy and artistic images of prominent historical figures like Napoleon. In "Portraits" Tolstoy's personality is examined from a different angle in a previously unknown period of his life. The analysis of "Portraits" suggests Aldanov's subjectivity in judgments and singles out the means of mythologisation of Tolstoy's image.

Keywords: successive link, image, emigrant writer, system of beliefs, historiosophic concept, diary, modernist consciousness, mythologisation, modernist literature, device, "pechorinskiy" period, artistic consciousness.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати профессором, доктором филологических наук Е.А. Андрущенко.